

МИРА ЛЕ

НИЧЕГО НЕ БЫЛО

Они не перешли черту.
Просто слишком долго
стояли рядом с ней.

Mira Le

Ничего не было

«Автор»

2026

Le M.

Ничего не было / М. Le — «Автор», 2026

Жанр: Психологический роман о близости, которая начинается раньше прикосновения. Она могла сколько угодно повторять себе: «Ничего не было»...Они держали дистанцию. Не переходили черту. Не называли это вслух. Но желание не отменяется молчанием. Не стирается словом «нормально». Не исчезает только потому, что его нельзя доказать. «Ничего не было» — роман о притяжении, в котором нельзя признаться, желании, которое не отменить, и измене, которая начинается там, где ещё нечего предъявить.

© Le M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 Чат	5
ГЛАВА 2 Платье	7
ГЛАВА 3 Какой мужчина!	9
ГЛАВА 4 Не разглядел	11
ГЛАВА 5 Вам можно	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Mira Le

Ничего не было

ГЛАВА 1 Чат

Я искала договор.

Тот самый, по тендеру, который мы закрывали в марте, — мне позвонили из бухгалтерии бывшего работодателя и попросили скинуть номер, если сохранился. Я сказала: посмотрю. Сказала это спокойно, как говорят бывшие сотрудники, у которых всё разложено по папкам и которым не страшно открыть рабочий архив.

Илья на кухне домыл чашку и крикнул:

— Я лёг. Ты скоро?

— Скоро.

Скоро не получилось.

Ноутбук стоял на столе, как стоит чужая вещь — слишком знакомая, чтобы её бояться, и слишком забытая, чтобы открывать без повода. Я его открыла. Логотип компании на заставке. Я почему-то забыла его сменить.

Папка называлась «Рабочее. Не трогать». Так я её назвала в последний день, когда ещё думала, что когда-нибудь захочу всё пересмотреть, а оказалось — наоборот.

Договор нашёлся быстро. Я скопировала номер, отправила бухгалтерии, закрыла письмо.

Нормальная женщина на этом бы остановилась.

В коридоре горел свет — Илья всегда забывал выключить ночник у двери ванной. Я не пошла его выключать. Я открыла соседнюю папку.

Там лежал архив корпоративного мессенджера. Не сам мессенджер — доступ к нему давно закрыли, вместе со всеми остальными правами. Просто ZIP-файл со скучным именем «export_2024».

Я его сохранила в последний день на всякий случай. Номера договоров, старые согласования, контакты.

Тогда это казалось почти техническим действием. У нас доступы отключали не сразу после приказа, а ночью, пакетно, и до полуночи аккаунт ещё жил. Я открыла настройки, нажала «Экспортировать мои данные» — свои чаты, те, где я была участником. Мессенджер собрал архив за пару минут и положил его в загрузки. Потом я перенесла файл в папку «Рабочее. Не трогать» и почти забыла.

Почти.

Я распаковала.

Чатов было немного. Отдел, проекты, бухгалтерия, общий, «обед?», «кто едет на склад». И один — просто фамилия. Его фамилия. Без имени.

Я открыла.

Сообщений оказалось меньше, чем я помнила. За полтора года — может быть, тридцать строк. Я почему-то была уверена, что их сотни.

Сверху было одно из последних рабочих сообщений:

«Посмотрю утром».

Коротко. Без скобки. Без лишнего слова.

Я смотрела на эту точку, и палец завис над тачпадом. Кольцо на безымянном чуть повернулось — не само, я его повернула, не заметив.

Я начала листать вверх.

«Анна, будете сегодня в офисе?» «Если будете — поднимитесь на пятый, есть вопрос по договору». «Документы посмотрел. Спасибо». «Я у себя до шести».

Всё «Вы». Всё с большой буквы. Всё так аккуратно, что если распечатать и показать кому угодно — мужу, юристу, его жене, — никто бы не нашёл, к чему придраться.

Я листала.

«Кофе, кажется, уже остыл»

Скобка. Одна.

Я помнила эту скобку. Я помнила, как стояла тогда в коридоре с телефоном и думала, что «остыл» — это не про кофе, а про меня. Я ответила тогда: «Извините, заходила к Лене». Без скобки. Я почему-то почти никогда не ставила скобки в ответ. Мне казалось, если я поставлю — это будет согласие на что-то, на что меня никто прямо не звал.

Дальше.

И вот здесь — одна строчка, на которой я остановилась.

«Ты сегодня будешь?»

Без обращения. Без «Анна». Без скобки.

Я перечитала её дважды. Потом ещё раз. Формально — три слова. Формально — рабочий вопрос. Я помнила, что ответила тогда: «Буду, Вадим Сергеевич». С отчеством. С «Вы» внутри интонации, даже если в сообщении его не было.

— Аня?

Я вздрогнула. Илья стоял в дверях комнаты, в одной футболке, тёплый со сна.

— Ты ещё работаешь?

— Нет, — сказала я. — Договор искала. Уже отправила.

Я свернула окно. Слишком быстро. Я услышала это сама — как быстро.

— А что тогда смотришь?

— Старые файлы. Так, попалося.

Он постоял секунду, посмотрел не в экран — в меня. Потом кивнул.

— Не сиди долго.

— Не буду.

Он ушёл. Я слышала, как скрипнул матрас, как он повернулся к стене.

Я открыла окно снова.

«Ты сегодня будешь?»

Три слова. Я даже помнила, что ответила тогда: «Буду, Вадим Сергеевич». С отчеством. С «Вы» внутри интонации, даже если в сообщении его не было. Я держала дистанцию там, где он её отпускал. Мне казалось, что это и есть моя честность.

Сейчас я не была уверена.

Моя честность работала только в одну сторону. Я держала «Вы» снаружи и точно знала, на каком сообщении он перешёл на «ты» и не вернулся обратно сразу.

Я ни разу не написала ему «ты».

Даже когда хотела.

Я провела пальцем по краю ноутбука. Там была пыль — тонкая, серая, домашняя. Я её стёрла, хотя никто не просил.

Закрыла чат. Не удалила. Закрыла. Папку «export_2024» тоже не удалила. Свернула окно, как сворачивают разговор, который не хочется заканчивать словами.

За стеной Ильи что-то пробормотал во сне. Обычное, домашнее, ни к кому. Я подумала, что завтра надо купить хлеб.

Если ничего не было, я бы помнила слова. Может быть.

Но я помнила не слова.

Я помнила, как только что закрыла окно чата, когда муж вошёл в комнату.

ГЛАВА 2 Платье

Тогда всё началось, кажется, с платья.

Я проснулась раньше будильника.

Не на минуту и не на пять — на сорок. Лежала, смотрела в потолок, и потолок был обычный, наш, с трещинкой у карниза, которую мы каждый год собирались замазать. Илья дышал ровно, лицом к стене. Я слушала это дыхание и почему-то думала про шкаф.

Не про работу. Про шкаф.

Про то, что в нём, слева, висит синее платье, которое я надевала прошлой осенью на корпоратив, а потом ни разу. Тонкая ткань, рукав до локтя, ворот круглый, открытый по ключицам. Я поняла, что думаю о нём, и сразу же решила: ну вот, значит, надо встать.

Шкаф открылся с тем же скрипом, что всегда. Слева — рабочее, справа — выходное. Сегодня я заглянула направо.

Я надела платье. Ткань легла на плечи прохладно, потом потеплела от кожи. Зачем-то подумала, что у меня хорошие плечи. Я обычно про свои плечи не думаю.

Серьги — длинные, с тонкой каплей у мочки. Замочек не сразу попал в петлю. Я попробовала ещё раз. Волосы я не стала собирать. Помада — нюдовая, я её называю «никакой». Я нанесла её и тут же стёрла салфеткой почти полностью. Получился оттенок, который не помада, а как будто губы просто такого цвета. Я посмотрела в зеркало и поняла, что именно этого и хотела.

И вот тут мне стало неловко.

— Ты уже встала?

Илья стоял в дверях, в той самой серой футболке, тёплый со сна. Посмотрел сверху вниз — не оценивающе, по-домашнему.

— Ты его давно не надевала.

— Да?

— С прошлого корпоратива, кажется. Я помню.

Он сказал это просто — так говорят про вещь, которую видели много раз. Без подтекста. И именно поэтому стало тяжелее.

— У вас сегодня что-то?

— Нет, — сказала я. — Просто захотелось.

Это было не враньё. И не правда.

— Тебе идёт.

— Спасибо.

Я отвернулась к зеркалу, чтобы поправить серёжку, которую не нужно было поправлять.

— Я чайник поставлю. Тебе кофе?

— Да. Спасибо.

Он ушёл на кухню. Я слышала, как он открыл шкафчик и достал ту самую кружку с отколотым краем, мою. Он всегда наливал мне в эту, потому что я не любила другие. Это было так просто и так привычно, что у меня на секунду сжалось что-то в горле.

Я ещё раз посмотрела на себя в зеркало. Кольцо блеснуло, когда я подняла руку поправить волосы.

«Это для себя, — подумала я. — Я имею право».

Имею. Право.

Эти слова прозвучали не как разрешение, а как защита.

Мой отдел был на четвёртом. Его — на пятом. Я знала, что он этажом выше. Я не собиралась туда подниматься.

Но я надела длинные серьги.

— Ты красивая, — сказал Илья из кухни, не видя меня.

— Спасибо.

В коридоре пахло его шампунем и моим. Я застегнула пальто, нашла глазами своё отражение в тёмном стекле двери. Ключицы было видно ровно настолько, чтобы я подумала: ну ничего же не видно.

И сразу следом подумала: значит, я уже знаю, что там может быть видно.

Это было не для него. Я просто давно не надевала это платье. Я просто оставила волосы распущенными. Я просто взяла длинные серьги.

Я просто зачем-то посмотрела на себя так, будто он уже мог увидеть.

ГЛАВА 3 Какой мужчина!

Я шла через open space с папкой к своему столу. Я несла папку перед собой, чуть прижав к платью, — не потому что нужно было её прижимать, а потому что с утра рука сама нашла это положение и так и шла.

У общего стола стояли Светлана и Марина. Светлана с чашкой, Марина с телефоном.

В этот момент со стороны лестницы вошёл Вадим.

Он шёл навстречу — папка в руке, рукава белой рубашки, телефон в другой руке. Поравнявшись со Светланой, кивнул:

— Светлана Николаевна, доброе.

— Доброе, Вадим Сергеевич.

Он сделал ещё два шага — мимо неё, почти на одной линии со мной. И в эту секунду Светлана, глядя ему в спину, сказала в чашку:

— Какой мужчина.

Сказала не громко и не тихо. Просто констатация, как «дождь идёт».

Он услышал. Это было видно по тому, как изменился шаг — не остановился, а замедлился на полшаге, и за эти полшага успел повернуть голову. Не к Светлане. Ко мне.

Короткий, точный взгляд, не дольше секунды. Не «обвёл глазами всех», не «зацепил по пути». Он проверил: я здесь. Я слышу.

Я смотрела.

Потом он повернулся к Светлане:

— Светлана Николаевна, ну давайте, продавайте меня.

Светлана засмеялась. Марина оторвалась от телефона.

— А кому продавать-то? — сказала Светлана.

И тут Марина — Марина, которая считывает интонации быстрее всех, — посмотрела не на Светлану, а на меня.

— Думаете, Анна купит?

Вадим ответил без паузы:

— Да хоть даром возьмёт!

Сказал весело, легко, в общий смех, как кидают мячик в круг. Никакой сальности. Чистая игра.

Но он смотрел на Светлану, а говорил — мне.

Я это поняла плечами, шеей, тем местом под ключицей, куда упала серьга, когда я повернула голову. Все четверо засмеялись, и я понимала, что трое смеялись просто потому, что было смешно, а четвёртая — это я — потому, что не засмеяться было нельзя.

Я засмеялась чуть позже. На полсекунды.

— Ой, ну всё, — сказала я. С улыбкой, с папкой у платья. — Прекратите.

Это должно было прозвучать как отказ. Получилось как участие.

— Извините, Анна, — сказал Вадим. — Светлана Николаевна меня вынудила.

— Я в чашку говорила.

— Громко в чашку.

Они засмеялись ещё раз. Вадим кивнул общим кивком и пошёл к кабинету директора. Я смотрела ему в спину одну секунду дольше, чем нужно было, и поймала себя на этой секунде, и отвернулась.

Я положила папку в лоток. Села. Открыла почту. Через минуту мимо моего стола прошла Марина и остановилась:

— Ты смешная.

— В смысле?

— Да так.

И ушла.

Я посмотрела ей вслед. Она не обернулась.

То, что только что произошло, заняло двадцать секунд. Если бы кто-нибудь спросил, я бы честно сказала: посмеялись у чайника, обычная глупость. Это было бы правдой по форме. В пересказе вообще ничего не было.

Я перечитала первое письмо. Не поняла. Перечитала ещё раз.

Он повернул голову не к Светлане. Он проверил меня. Снаружи была общая шутка. Внутри — точный бросок в мою сторону, обёрнутый так, чтобы никто не мог предъявить ни одного серьёзного слова. Включая меня.

До этого момента всё было только у меня в голове. «Просто так». «Не для него». «Совпало».

Сейчас он попросил у меня внимания при свидетелях. И я дала ему это внимание — полусекундной задержкой смеха, тем самым «прекратите», лишней секундой взгляда в спину.

И Марина, кажется, что-то увидела.

Я положила руки на клавиатуру и подумала: он хотел моего внимания. Он его получил.

А я впервые за день поняла, что теперь это было не только у меня в голове.

ГЛАВА 4 Не разглядел

К лифту я вышла после обеда.

Я нажала кнопку и встала чуть в стороне. В тёмном металле лифта отражалась я — синее платье, распущенные волосы, папка в руках.

Потом в отражении появилась мужская фигура. Сначала в глубине коридора. Потом ближе.

Я узнала его раньше, чем обернулась.

Вадим остановился за моей спиной — не вплотную, но достаточно близко, чтобы это уже было не просто «тоже ждёт лифт». Я посмотрела на табло. Лифт шёл с восьмого. Медленно.

— Вам вниз? — спросила я.

— Нет.

Я обернулась.

Он стоял с телефоном в руке. Без папки, без стакана. Его кабинет был в другой стороне. Лестница — тоже. Лифт ему действительно был не нужен.

Несколько секунд мы молчали.

Я могла бы отвернуться обратно к дверям. Могла сделать вид, что его «нет» не требует продолжения.

Но я стояла и ждала.

Он посмотрел на меня — быстро, почти неуверенно. Здесь спрятаться было некуда. Только лифт, табло и моё платье в тёмном отражении.

— Я платье не разглядел, — сказал он.

Я не сразу поняла. Вернее, поняла слишком быстро, но не успела выбрать лицо.

— Что?

Взгляд ушёл в сторону, к табло, потом вернулся.

— Красивое.

И сразу пошёл прочь. Слишком быстро. Так уходят люди, которые сказали ровно то, что собирались, но поздно поняли, что теперь это осталось в воздухе.

Лифт приехал. Двери раскрылись. Внутри стояла женщина из бухгалтерии — я знала её в лицо, не по имени. Она посмотрела сначала на меня, потом — короткой секундой — на удаляющуюся спину Вадима. Потом снова на меня.

— Едете?

— Еду.

Я шагнула внутрь, нажала первый этаж и посмотрела на своё отражение в закрывающихся дверях. Женщина стояла рядом, чуть позади, и я знала, что она всё ещё смотрит на меня, хотя смотрела она в свой телефон.

Платье было красивое.

Это было самое неприятное.

Утром я выбирала его перед зеркалом. Днём оказалось, что зеркало было не единственным.

ГЛАВА 5 Вам можно

Тревогу объявили в начале четвёртого. Сначала был короткий гудок, потом голос из динамиков: «Внимание. Объявляется учебная эвакуация».

— Ну вот, как всегда, — сказала Светлана.

Мы вышли по лестнице вместе со всем отделом. На улице было холодно — та осень, когда стоять без движения становится холодно через две минуты.

Наш отдел встал у бокового входа, под козырьком. Я обвела глазами двор и увидела Вадима.

Он стоял у дальнего угла здания с двумя мужчинами из своего отдела. Без пальто, в одной рубашке, руки в карманах. Смотрел в сторону парковки, не на нас.

Но я почему-то знала, что он знает, где я. Это чувствуешь шеей, тем местом, где волосы переходят в кожу.

Через минуту его группа двинулась — по дорожке вдоль здания. Я знала эту траекторию ещё до того, как он сделал первый шаг.

Между нами было метров десять. Восемь. Пять.

Я подняла глаза в нужный момент — то есть в тот, который выглядел случайным.

— Анна, — сказал он, как здороваются на ходу. — Замёрзли?

— Терпимо.

Он сделал ещё шаг. Потом, как будто только что решив, отделился от своих, подошёл вплотную и положил руку мне на плечи.

Это длилось секунду — может, две. Рука легла широко, накрыв оба плеча. Я почувствовала вес ладони через пальто, тепло, идущее не от него — от самой плотности прикосновения. И ещё — масштаб. Я была ему примерно по подмышку. Об этом не думают, пока тебя не обнимут при коллегах.

— Что, даже обнимете? — сказала я.

Сказала с улыбкой, тем тоном, которым шутят при свидетелях.

Он посмотрел на меня сверху. Близко. Слишком близко для этой шутки.

— Да. А тебя нельзя обнимать?

«Тебя».

Он сказал «тебя», как будто это было давно решено. Я открыла рот и услышала собственный голос раньше, чем подумала, что говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.